

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПИЧНОЙ ФАБУЛЬНОЙ МОДЕЛИ В БАСНЯХ ДЖ. ТЭРБЕРА

М.В. ВЕРИЧ

БРЕСТ, БРГУ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Жанр басни в большей или меньшей степени представлен во всех национальных литературах, поэтому басни выступают как идеальный способ хранения и передачи национально-культурной информации. Если говорить о генезисе данного жанра, то его часто связывают с именем Эзопа (VI в. до н.э.). Однако как особый устный жанр, родственник эпосу о животных, басня была известна в средиземноморском регионе задолго до Эзопа. Сборники «Эзоповых басен», которые переводились позднее на многие европейские языки, по сути дела, представляли собой совокупность не столько текстов, сколько сюжетов, предназначенных для дальнейшего использования в практических или развлекательных целях.

Структура басенного сюжета была довольно проста и даже однотипна. По определению М.Л. Гаспарова, в большинстве случаев она сводилась к следующей схеме: «Некто захотел нарушить положение вещей, чтобы ему стало лучше, а ему стало только хуже» [1, с. 33]. Соответственно, особое значение в античной басне приобретали манера и техника повествования, а также различные подробности и описания, внедряемые в сюжетную канву в качестве риторического упражнения. Стиль басни также подчинялся определенным требованиям: он должен быть простым и убедительным, лишь немного возвышающимся над обыденной речью, поскольку главной целью басни считалось нравоучение при помощи разъяснения какого-либо этического положения. Хотя в басне говорили и действовали неразумные животные, в сюжете рассказа должна была заключаться некая возможность отсылки к событиям, реально происходящим в мире людей, что позволяло извлекать из басни моральные правила [2, с. 106].

Композиционное строение античной басни отличалось жесткой регламентированностью, в нее входили четыре части: экспозиция — замысел (мотивировка действия) — действие — неожиданный результат. Вплоть до XIX в. поэтика басенного жанра была обусловлена этой риторической традицией, ориентируясь на заданную сюжетную канву как в прозаической, так и в поэтической форме. Так, известный французский баснописец Жан де Лафонтен опубликовал «Басни Эзопа, переложенные в стихах г-ном де Лафонтеном», действительно пересказывая в стихах нравоучительные басни греческого автора.

В англоязычной культуре, несмотря на творчество нескольких оригинальных баснописцев, басенный жанр распространился благодаря различным сборникам, включающим переводы басен античных авторов,

обычно носивших коллективное название «Басни Эзопа». На протяжении долгого времени в Англии и Америке данные сборники вызывали восхищение и оказывали значительное влияние на формирование моральных установок, служа средством передачи народным массам сложных политических принципов.

В результате смены типов художественного сознания середина XIX в. была отмечена своеобразным кризисом басенного жанра. Жанр басни встречается все реже как в России, так и в Западной Европе. К нему обращаются лишь немногие писатели, поскольку сатирические и дидактические произведения облекаются в совершенно иные формы. В XX в. интерес к потерявшей свое значение басне был возрожден благодаря творчеству Дж. Тэрбера, выдающегося американского писателя, сатирика и карикатуриста. В его творческом багаже басня занимала особое место: она давала Тэрберу возможность изъясняться кратко и точно, делать пронзительные, сатирические замечания о современном мире. При жизни Джеймса Тэрбера были опубликованы два сборника басен, «Басни нашего времени» (1940) и «Еще басни нашего времени» (1956), различия между которыми свидетельствуют о прогрессе пессимизма в творчестве писателя.

Как и многие другие авторы, Тэрбер широко использует традиционных эзоповских персонажей в своих баснях: это и лиса, и волк, и лев, и мышь, и сова, и ворона. Однако для него персонажи — это модели, и подчас они изменяют свои качества. В произведениях Тэрбера наблюдается тенденция к разрушению классического жанра басни, что отражено в такой особенности его басен, как новая интерпретация сюжета прототекста. Так, в басне «Овцы в волчьей шкуре» (*The Sheep in Wolf's Clothing*) иронически переосмысливается басня Эзопа, в которой волки под шкурой овец скрывают свои злые намерения. У Тэрбера овцы в волчьем облике проникают в страну волков во время их праздника, чтобы шпионить за ними. Внешне беззаботное времяпровождение волков вводит в заблуждение овец-журналисток, каждая из которых спешит скорее написать свою статью о волках, пытаясь обогнать соперников.

Жители овечьей страны доверчиво воспринимают ложную информацию о безобидном нраве волков и поэтому становятся легкой добычей внезапно напавших на них хищников. Овцы, облачившись в волчьи шкуры, руководствуются стремлением обхитрить не врага, а друг друга. Таким образом, «овцы в волчьей шкуре» представляют угрозу не для волков, а друг для друга и своих собратьев. Басня заканчивается иронической моралью, основанной на игре слов: *Don't get it right, just get it written*. Через нее автор передает критическое отношение к журналистской практике гнаться за сенсацией в ущерб истине, а также предупреждает читателя об опасности поддаваться влиянию печатного слова.

Еще одним ярким примером реинтерпретации сюжета прототекста является басня «Лиса и ворон» (*The Fox and the Crow*). В ней лиса принимается расхваливать голос ворона, так как она где-то прочла, что ворон при этом должен выронить сыр из клюва. Тэрбер использует аллюзию на давнюю традицию пересказывания сюжетов басен Эзопа: *had read somewhere and somewhere, and somewhere else, that praising the voice of a crow with a cheese in his beak would make him drop the cheese and sing.*

Однако ворон добровольно делится с лисой большей частью своего сыра, чтобы заполучить слушателя в лице лисы, и начинает сам себя расхваливать. Автор опять прибегает к стилистическому приему каламбура, создавая образ хвастливой птицы, считающей себя необыкновенно талантливой и приписывающей себе заслугу появления различных научных и технических изобретений. При этом обыгрываются разные значения одних и тех же слов. Глупый ворон льстит самому себе, говоря, что ни одно судно не сможет плавать без вороньего гнезда — *a crow's nest*, которое в английском языке имеет также значение марсовой площадки на корабле, на самом деле к воронам никакого отношения не имеющей. Лиса не считает нужным выслушивать хвастливые речи ворона, поскольку она насытилась доставшимся ей без всяких усилий сыром, и поспешно покидает его.

Взяв название и героев известной басни Эзопа «Ворона и лиса», Тэрбер опирается на известный всем с детства сюжет. Изменение сюжетных ролей персонажей басни обуславливает формулировку новой морали: *'Twas true in Aesop's time, and La Fontaine's and now, No one else can praise thee quite so well as thou.* Таким образом, можно сказать, что иносказательность, являясь отличительной чертой басни, несомненно, присуща произведениям этого жанра, написанным Дж. Тэрбером, однако мораль его басен демонстрирует способность писателя придавать вековой мудрости новый иронический оттенок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров, М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий) / М.Л. Гаспаров. — М. : Наука, 1971. — 280 с.
2. Нестеренко, В. Произведение морали (анализ басни) / В. Нестеренко // Вопросы литературы. — 1998. — № 2. — С. 97–120.